

ДУХОВНАЯ РЕИНКАРНАЦИЯ

А.С. Нилогов

АНТИЯЗЫК КАК ЯСНОВИДЕНИЕ В БЕССЛОВЕСНОЙ КОММУНИКАЦИИ Д.Г. БЕННЕТА

Аннотация. В статье проблематизируется понятие «бессловесной коммуникации», которое рассматривается английским математиком, инженером и психологом Джоном Беннетом (1897-1974) в его книге «Трансформация». В качестве синонима для «бессловесной коммуникации» Беннет использует термин «анти-язык», которое концептуально близко развиваемой нами философской дисциплине – философии антиязыка. Антиязык мы определяем как совокупность классов антислов, которые представляют соответствующие регионы частично или полностью не поименованного бытия. Анализируя беннетовскую трактовку антиязыка, которая близка телепатии, невербальной коммуникации и ясновидению, мы показываем её сходства и отличия с нашим пониманием, иллюстрируя конкретными примерами – классами антислов. В статье используется метод анализа, синтеза, герменевтические приёмы, метод ассоциаций, а также междисциплинарные связи лингвистики, психологии и философии. Поскольку «бессловесная коммуникация» Беннета раскрывает лишь один из аспектов антиязыковой философии, постольку она не может быть отождествлена с антиязыком как таковым. Поэтому в статье предложены новые подходы к изучению внутреннего мира человека, который раскрывается в феноменах телепатии, невербальной коммуникации и антиязыка.

Ключевые слова: Беннет, бессловесная коммуникация, антиязык, философия антиязыка, невербальная коммуникация, телепатия, ясновидение, Гурджиев, антислово, бессознательное.

Американские учёные создали алгоритм, позволяющий расшифровать внутренний голос – слова, которые человек произносит мысленно. Гипотеза о том, что при восприятии речи на слух и воспроизведении слов про себя задействованы одинаковые нейрофизиологические механизмы, успешно подтвердилась. О проведённых экспериментах учёные рассказали в журнале *Frontiers in Neuroengineering*, а кратко о них сообщает *New Scientist*.

Калифорнийские нейрофизиологи записали активность мозга семи страдающих от эпилепсии пациентов (в их череп были имплантированы электроды). Добровольцам показали на экране текст Гёттисбергской речи Авраама Линкольна, инаугурационного выступления Джона Кеннеди и стихотворения про Шалтая-Болтая. Каждого пациента попросили прочесть текст сначала вслух, затем про себя, а потом ничего не делать.

Когда речи и стихи зачитывали вслух, создавалась электроэнцефалограмма, показывающая, какие нейроны мозга включались от конкретных слов. На основе этих данных создавалась спектрограмма (визуализация звуковых волн), и по ней специальная программа, настроенная на мозг конкретного человека, воссоздавала исходный текст.

Когда такой «декодер» применили к активности мозга пациентов, читающих текст про себя, он смог успешно воссоздать исходные слова – фактически прочесть мысли людей.

Хотя алгоритм всё ещё далёк от совершенства, учёные надеются сконструировать на его основе «протез» для парализованных, лишившихся дара речи. Пациенты могли бы думать, а машина переводила бы внутреннюю речь для окружающих.

(<http://lenta.ru/news/2014/10/30/innervoice/>)

В истории вопроса о таком философско-лингвистическом феномене, как «анти-язык», была одна уникальная страница, с которой точь-в-точь можно вести отсчёт¹ о

концептуализации данного термина в интересующей нас интерпретации. Речь идёт об английском математике, психологе и технологе Джоне Годол-

¹ Термин «анти-язык» впервые (?) употребляется английским лингвистом М.А.К. Халлидеем в значении языка маргинальных социальных групп как разновидности

арго (криптолекта). Префиксоид «анти-» в данном термине носит отрицательный (пейоративный) характер. См.: Halliday M.A.K. *Anti-Languages* // *American Anthropologist* 78 (3). 1975. P. 570–584.

фине Беннете (1897 – 1974), который в вышедшей посмертно в 1978 г. книге «Трансформация» целый параграф посвятил так называемой бессловесной коммуникации. В 1921 г. в Стамбуле Беннет лично познакомился с русским мистиком Георгием Ивановичем Гурджиевым, оказавшим на него сильное влияние, а затем через последователей Гурджиева (в частности, Петра Демьяновича Успенского) Беннет развивал собственное видение духовного измерения человека.

В третьем главе «Трансформации», которая посвящена коммуникации, Беннет уделил подробное внимание не только искусству слушания, языку и ключевым словам внутренней жизни человека, но и феномену «бессловесной коммуникации». К осознанию этого феномена мы пришли самостоятельно в ходе постановки проблемы философии антиязыка, а также ориентируясь на рукопись учебника советского академика-математика Евгения Васильевича Золотова «Телепатия», в котором он изложил материалистическую телепатическую технологию будущего².

² <http://belsu.narod.ru/telepat/index.html>. Ср.: «Аннотация. Замечательные способности психики человека, о которых рассказывается в этой книге, были известны людям и использовались на практике в течение нескольких тысяч лет. В Индии, Египте, Греции и других странах Среднего и Ближнего Востока знания телепатических закономерностей использовались в самых различных целях. Но знания эти были (и, в значительной степени, остаются такими до настоящего времени) только эмпирическими, лишёнными какой бы то ни было теоретической базы, естественнонаучного объяснения. Наблюдая телепатические явления, люди пытались объяснить их проявлением сверхъестественных сил, деятельностью всепроникающего «Мирового Духа», бога, частью которого, якобы, является «душа» человека.

Эту точку зрения долгое время вынуждены были разделять и выдающиеся философы Запада. Такое положение сложилось в результате накопления громадного фактического материала с одной стороны и, с другой стороны, отсутствия достаточных теоретических данных о строении материи, видах её движения, в результате отставания естественных наук от потребностей человеческого ума в обобщении и объяснении наблюдаемых явлений. Философия, призванная вести за собой науку, вступила на ложный путь, на путь идеализма. Однако выдающиеся её открытия в области естественных наук неизбежно вносили свои коррективы, заставляя учёных-идеалистов давать материалистическое истолкование явлениям природы. Человечество вполне естественным и закономерным путем шло к материалистическому мировоззрению.

Принципиально новым в этой книге является то, что автор старается дать всем без исключения явлениям и процессам, текущим в человеческой психике, естественнонаучное объяснение на основе последних достижений в области точных и гуманитарных наук.

Под антиязыком мы понимаем совокупность классов антислов, которые представляют соответствующие области частично или полностью не поименованного бытия. Философия антиязыка в качестве нового раздела философии призвана выявлять собственно антиязыковые и несобственно антиязыковые дискурсивные практики. В первом случае понимается поиск таких классов (анти)слов, которые невыразимы в естественном языке. Во втором случае – критика существующих способов коммуникации и сигнификации.

Фундаментальный феномен, проблематизирующий философию антиязыка, составляет принцип «изначального опоздания». В виде термина «изначальное опоздание» сформулировано французским философом Винсентом Декомбом в книге «Современная французская философия». Понятие «изначального опоздания» вводится Декомбом для характеристики философии французского философа-деконструктивиста Жака Деррида, который, развивая континентальную традицию европейской философии (вослед Мартину Хайдеггеру), максимально усугубляет метафизику присутствия/отсутствия. Согласно «изначальному опозданию», прежде всего, применительно к семиотическому пониманию языкового знака как единства означаемого (плана выражения) и означающего (плана выражения) проблема сигнификации выражается в общем виде в изначальном запаздывании плана выражения (означающего³) к плану содержания (означаемого), а последнего, в свою очередь, к референту.

Постулируя новый раздел философии, мы заостряем проблему онтологического статуса слов естественного человеческого языка, которая недостаточно полно поставлена как в теоретической лингвистике и философских проблемах языкознания, так и в философии языка и лингвистической философии. Однако «бессловесная коммуникация», о которой говорит Джон Беннет, раскрывает, на наш взгляд, один из аспектов антиязыковой проблематики и не может быть отождествлена с антиязыком как таковым. Никакой редукции одного к другому не предпринимается, так как под фи-

³ Ср.: Н.С. Автономова (о психоанализе Жака Лакана): «Означающее» – материальные формы языка – безусловно главенствует над «означаемым», то есть над смыслами или референтами. Цепочки «означающих» очерчивают человеческую судьбу» (Современная западная философия: Словарь. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и ответ. ред.: В.С. Малахов, В.П. Филатов. М., 2000. С. 209).

лософией антиязыка мы понимаем очень широкий круг вопросов, связанных с изучением оснований и пределов семиотической номинации на естественном человеческом языке и зависимости познавательного процесса от антиязыка.

Обратимся к первоисточнику – тексту Беннета – с тем, чтобы сравнить авторские ассоциации и аргументацию с нашим видением поставленной проблемы.

Итак:

1) Беннет: «Когда что-нибудь говорится и делается, высказанное слово остаётся неадекватным как инструмент коммуникации об опыте внутреннего мира. Для видимого, осязаемого мира вещей и тел оно срабатывает хорошо и является средством, с помощью которого люди могут кооперироваться в процессе общения с миром. Поскольку слово успешно в своей собственной сфере, мы хотим от него слишком многого и разочаровываемся, когда устанавливаем, что для вещей, которые имеют истинное значение для нас – наши самые потаённые внутренние желания и надежды, тайные ожидания и страхи, – оно самым плачевным образом терпит фиаско»⁴.

1) В этом отрывке Беннет указывает на фундаментальную проблему неудовлетворённости от мыслимого и произносимого, которую в целом можно свести к проблеме нетранспарентности между планом содержания и планом выражения, если воспользоваться методологией Фердинанда де Соссюра, и к проблеме «изначального опоздания», если воспользоваться методологией Ж. Деррида. Но образней всех эту проблему выразил в поэтических строках русский поэт Фёдор Иванович Тютчев в стихотворении «Silentium»:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?
Мысль изречённая есть ложь.

С проблемой перевода мыслей в слова сталкивается каждый носитель человеческого языка: или подыскивая нужное слово для адекватной

передачи мысли, или образовывая новое слово для выражения новой мысли, или косноязычно мысля вслух. Во всех этих случаях мы имеем дело с задержкой, которая концептуально была оформлена в принцип «изначального опоздания».

2) Беннет: «То, что связывает нас в видимом мире, разделяет нас в мире невидимом. Мы путаемся в особом **анти-языке**, который будет работать на пути, прямо противоположном устной речи. Речь очень эффективна, когда она ясна и недвусмысленна. Анти-язык должен быть неопределённым и мультиценностным. Он должен сообщать свои значения полутонами и обертонами. Обычная коммуникация должна стать услышанной и прочувствованной. Анти-язык звучит *setto voce* (тихим голосом), замечаемым только теми, чьё внутреннее ухо открыто»⁵.

2) По сути, под «анти-языком» Беннет подразумевает некий сверхконтекстуальный язык, обладатель которого в состоянии различить и подтекст, и контекст, и надтекст, то есть вообще всё, что только возможно услышать в определённом высказывании. Это своего рода тот план внутреннего содержания, который не может быть полностью овнешнён, став планом выражения, именно потому, что он – план внутреннего содержания, а не план внешнего содержания. Такой «анти-язык», по Беннету, вероятно, совмещает в себе и **десигнат** («концепт» денотата, субъективный образ), и **денотат** (предметное содержание, референтное слову как имени), и **коннотат** (смысл и те самые «полутона и обертона»), и **референт** (объект внеязыковой реальности), и **звукослож** (хотя бы на уровне электромиографических величин⁶), и, в целом, **сигнификат** (создание языковых знаков и придание им значений и смыслов, а также, например, в форме языка мыслей).

3) Беннет: «Я впервые осознал этот странный язык, когда находился с Гурджиевым в течение последних двух лет его жизни. Снова и снова он говорил мне вещи, имеющие глубокую и длящуюся во времени значимость (значение), в то время как его губы рассказывали комические истории, приключившиеся с англичанами, и прочие пустяки. В другом месте⁷ я описывал, как двадцать человек,

Книга рассчитана на широкий круг читателей. Некоторые её разделы могут быть использованы при изучении курса атеизма студентами вузов» (Там же).

См. также статью «Телепатия» в Википедии (<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%E5%EB%E5%EF%E0%F2%E8%FF>).

⁴ <http://fourthway.narod.ru/lib/Bennett/transform.htm>.

⁵ Там же.

⁶ Немов Р.С. Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 3-х кн. Кн. 1.: Общие основы психологии. 4-е изд. М., 2003. С. 323–334.

⁷ Внутренняя сноска: Беннет Дж. Есть ли жизнь на Земле. 1973. С. 100.

сидящих вокруг стола, могли воспринимать индивидуальные послания, и каждый был убеждён, что Гурджиев обращался только к нему одному. Этот вид коммуникации требует, чтобы те, кто принимает в ней участие, находились в особом состоянии чувствительности. Это состояние обладает особым характером анти-языка, который я описываю. Коммуникация сильна и убедительна и в то же самое время она так ускользаема, что спрашиваешь себя, не было ли это галлюцинацией»⁸.

3) Здесь слова Беннета больше всего напоминают описание телепатического опыта. Беннетовская интерпретация – это если телепатия не в чистом виде, то, по крайней мере, в качестве близкого к ней экстрасенсорного явления. С другой стороны, окажется немало и тех, кто усомнится в такой трактовке – скорее, в парапсихологическом статусе подобной мысленной коммуникации. Однако духовные практики самого Г.И. Гурджиева могут свидетельствовать об обратном – о максимально прояснённом сознании, усилением которого может быть объяснено телепатическое общение учителя с учениками: «**Сознательность**, – говорил Гурджиев, – является таким состоянием человека, когда он **чувствует всё одновременно**, всё, что он в действительности ощущает или просто вообще может ощущать. Вместе с тем, поскольку в каждом человеке роятся тысячи противоположных чувств, начиная с глубоко запрятанного понимания собственной ничтожности и разного рода страхов и заканчивая наиболее абсурдными чувствами самолюбия, самоуверенности, самоудовлетворения и самовосхваления, чувствовать всё это сразу не просто болезненно, но в буквальном смысле невыносимо. Если бы человек, чей внутренний мир состоит из противоречий, вдруг ощутил бы все эти противоречия одновременно внутри себя, если бы он вдруг почувствовал, что он любит всё, что ненавидит, и ненавидит всё, что любит; обманывает, когда говорит правду, и говорит правду, когда обманывает; и если бы он мог почувствовать позор и ужас всего того, то такое состояние можно было бы назвать “сознательностью”» (Беннет⁹).

Если сформулировать гипотезу о **совершенной телепатизации** между двумя сознаниями, методологически исключая божественное сознание, то необходимо предусмотреть тот уровень приватности

в сознании, который отнюдь не тавтологичен прозрачности, а допускает наличие бессознательного.

Телепатия мыслей в отличие от телепортации мыслей заключается в передаче эмпирического контекста, в соответствии с которым мысли воспринимаются на интерсубъективном уровне – настолько оптимально, насколько речь не идёт о слиянии сознаний, не различающим между ничтожениями (если мысль может быть пересежена из одного сознания в другое сознание, то необходимо допустить вероятность того, что смысловой контекст заимствованной мысли наслоится на контекстуальный поток адресата, а не будет искажён в результате переноса, на чём настаивают противники мышления на расстоянии; телепатия как бесконтактный вид коммуникации должна исследоваться в направлении внутренней речи, структура которой делает человека заложником бессознательного автоматизма, а на поверхности в форме внешней речи – рабом «изначального опоздания»: Оно структурировано не как язык (Лакан¹⁰), а как антиязык (Нилюгов).

А если удастся установить, что при телепатии также действует принцип «изначального опоздания», то придётся признать, что телепатия не может являться панацеей от семиотического релятивизма, а лишь компромиссным средством по передаче информации, минуя органы чувств, однако не исключено, что одна интуиция в состоянии приблизить к прецедентам синхронизации с языком бытия, в то время как изначальная синхрония антиязыка – ещё дальше отдалить от него к снятию всех *онтогонистических статут*ов.

4) Беннет: «Коммуникация не должна быть интенсивной и поражающей. Большинство людей согласятся, что существует (может быть) не высказанное словами узнавание между двумя незнакомыми людьми, чьи глаза случайно встретились, и хотя не будет произнесено ни одного слова, они всё-таки знают, что между ними что-то произошло. Это говорит о том, что все мы обладаем инструментом бессловесной коммуникации, но не умеем им пользоваться»¹¹.

4) Хотя данный отрывок и продолжает свидетельствовать об «анти-языке», однако в нём вероятно подразумевается невербальная (несловесная) коммуникация, которая в современной науке исследуется вполне эмпирическими методами. Не-

⁸ <http://fourthway.narod.ru/lib/Bennett/transform.htm>.

⁹ Беннет Дж.Г. Беседы о «Рассказах Вельзевула». М., 2001. С. 85.

¹⁰ См.: http://lacan.narod.ru/ind_lak/my_2.htm.

¹¹ <http://fourthway.narod.ru/lib/Bennett/transform.htm>.

вербальная коммуникация включает такие группы несловесных средств общения, как (одна из классификаций): 1) кинесические (от греч. κίνησις – движение) – зрительно воспринимаемые движения другого человека, выполняющие выразительно-регулятивную функцию в общении (поза, жест, мимика, взгляд, походка, направление движения); 2) просодические (от греч. προσωδία – ударение, припев) – ритмико-интонационные особенности речи (высота и громкость голосового тона, тембр голоса, сила ударения); 3) экстралингвистические (лат. extra – вне, сверх, лат. lingua – язык) – включённые в речь психофизиологические проявления (паузы, вздохи, кашель, смех, плач и пр.); 4) таксические (лат. taktus – прикосновение, ощущение) – это динамические прикосновения в форме рукопожатий, похлопываний по плечу, колену, спине, поцелуи, прикосновения телом¹².

Суммарный объём невербальной коммуникации составляет около 75–80 % от всей получаемой человеком информации, но это не означает, что вербальная коммуникация, на которую приходится всего 20–25 %, существенно уступает невербальной. Вся проблема состоит в том, что доля словесной коммуникации между людьми должна возрастать не потому, что она так мала по сравнению с несловесной, а потому, что несловесная коммуникация по-прежнему препятствует означиванию окружающего мира, где человеческий ареал сигнификативно убог, семиотически недостаточен и семантически беден. Сравните многообразие звуков, цветов и запахов с тем ограниченным набором их названий, что имеется у нас в наличии, и вам станет предельно ясно, насколько примитивно наше чувственное познание¹³. Столько всего непонятого вокруг нас, что становится косноязычно вопрошать к бытию. Вокруг нас – сплошная антиязыковая стихия, в которой редко и не всегда метко просвечивает гераклитовский λόγος.

5) Беннет: «Я уверен, что бессловесная коммуникация возможна, и что способность пользоваться ею может быть развита и натренирована. Одна из её форм называется **телепатией**, или коммуникацией между умами на расстоянии. Она редко

проявляется в словах, но чаще – в образах и впечатлениях. Два человека обнаруживает, что они часто думают об одном и том же в одно и то же время. Если в союзе мужа и жены существует глубина и симпатия, такая телепатия часта, и они даже научаются полагаться на неё как на руководство к действию. Такая телепатия редко прогрессирует до степени двусторонней коммуникации, в которой обе стороны осознают, что послание передано и, следовательно, она должна рассматриваться как довольно примитивная стадия»¹⁴.

5) Очевидно, что беннетовский «анти-язык» не исчерпывается только невербаликой постольку, поскольку статус телепатии продолжает оставаться под большим вопросом. Да и само словосочетание «бессловесная коммуникация» Беннетом не сводится к одной телепатии. Телепатия – одна из её разновидностей, причём она рискует раствориться как в симпатии, так и эмпатии. Мечта о синхронизации плана содержания и плана выражения, а механизм телепатической передачи вовсе не исключает темпорального арбитража, похоже, не волнует Беннета, как, впрочем, и сама постановка под вопрос онтологического статуса того языка мыслей (пускай и не по Джерри Фодору), который *при посредничестве* телепатии – телепортируется из одного человеческого мозга (и мозга ли?) в другой. Однако нас, прежде всего, и интересует онтологическая статусность языковых средств, обслуживающих человеческое мышление и воплощающих его результаты в речи, а отнюдь не фамильярничание и не болтовня (das Gerede, по Мартину Хайдеггеру¹⁵) между возлюбленными, особенно от переизбытка чувств, когда чрезмерная эмоциональность (захваченность феромонным переживанием) приводит к нехватке слов (по Ивану Крылову, «в зобу дыханье спёрло»), которая предвзято выдаётся за принципиальную невыразимость внутреннего мира человека.

6) Беннет: «**Ясновидение**, то есть способность воспринимать события за пределами непосредственного чувства-восприятия, вероятно, менее часта, чем телепатия, но оно, конечно, существует. Ясновидение можно развить соответствующими упражнениями. Некоторые суфийские братства Азии придают большое значение выработке невербальной коммуникации. В течение коротких периодов я жил с небольшими группами дерви-

¹² Ср.: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%EB%E2%E0%E1%E0%EB%FC%ED%EE%E5_%EE%E1%F9%E5%ED%E8%E5. См. также: <http://www.hr-portal.ru/article/harakteristika-neverbalnyh-sredstv-obshcheniya?page=4>.

¹³ Сравните с гипотезой лингвистической относительности Сэпира-Уорфа.

¹⁴ <http://fourthway.narod.ru/lib/Bennett/transform.htm>.

¹⁵ Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков, 2003. С. 195-198.

шей, которые утверждали, что находятся в коммуникации с отсутствующими членами, и особенно с их шейхом, или руководителем. Они уверяли меня, что тот, у кого есть способности к духовному развитию, может приобрести эти навыки, если ему покажут соответствующие упражнения»¹⁶.

б) Феномен ясновидения также важен нам для раскрытия антиязыковой проблематики. На примере нескольких классов антислов – например, футурологизмов (слова, которые обозначают реалии будущих поколений, которые предваряют прогностические возможности поколений современников¹⁷) и ретрологизмов (слова, обозначающие слова, которые являются названиями исчезнувших реалий (вещей) прошлого, не дошедших до нас¹⁸), можно рассмотреть ясновидение в качестве не столько образного путешествия в прошлое и будущее, сколько по преимуществу словесного проникновения сквозь время – в бытие, то есть в то, что реально (вещественно – *res*) было (а не не было – потому и не небытие), и в то, что будет; равно как и в то, что может как быть, так и не быть (виртуологизмы¹⁹ – такие антислова, которые обознача-

ют то, что существует при определённых условиях и исчезает при исчезновении этих условий). Как говорил французский лингвист Гюстав Гийом: «... моя рекомендация неизменна: видеть факты, держаться видимых фактов. Видимы те факты, которые мы умеем видеть. Факт, который мы не сумели увидеть, тем не менее есть факт»²⁰.

И тот же Гийом в своей лекции «Специфика ясновидения как предсознания» (от 8 января 1959 г.) по сути предвидел ту антиязыковую стихию, с упорядочения которой и начался известный нам естественный человеческий язык, но благодаря антиязыковой методологии мы можем, словно древнее реликтовое излучение, регистрировать в языке антисловы, остатки, классифицируя их по соответствующим классам: «Можно предположить, что в ходе собственного возможного построения мышление, не знающее своего места в самом процессе, является *мышлением турбулентным*, находящимся во власти исходной беспорядочности потока мысли – ментальной турбулентности, от которой сама *сущность* (*progrium*) человеческого мышления должна непременно отказаться.

С *возникновением* человеческого языка беспорядочное течение мысли сменяется таким течением, при котором турбулентность более не является неизбежной; неизбежным становится некоторое отступление первоначальной ментальной турбулентности, к которой человеку больше нет возможности вернуться.

Именно этот запрет и создаёт человека, лишая его мышление тех возможностей, которые несёт с собой первоначальная беспорядочность мысли, возможностей – и очень больших, – остающихся привилегией животного. Сколько вещей животное знает иначе, чем их знает и может знать человек, не имеющий даже способа узнать, каково же о них знание у животного! Ясновидение животного основано на физическом совершенствовании вида, оно нетрансцендентно. На это ясновидение давит невозможность трансцендентности, перехода за конечную цель этого совершенствования, пути которого совпадают с путями эволюции *жизни*. Но на человека, на человеческое ясновидение давит невозможность не перейти за пределы этого совершенствования, иными словами, ясновидение как озарённое предсознание у человека

¹⁶ <http://fourthway.narod.ru/lib/Bennett/transform.htm>.

¹⁷ Нилогов А.С. Экскурс в лингвистическую футурологию // *Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса* (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5-и тт. Т. 4. М., 2005. С. 361–362; Нилогов А.С. *Философия антиязыка*. СПб., 2013. С. 144–145.

¹⁸ Если приводить аналогию с лингвистической лексической классификацией, то имеются в виду такие историзмы, обозначающие давно исчезнувшие вещи, которые сами бесследно исчезли из словарного состава того или иного языка. Ретрологизмы в антиязыковом понимании не следует путать с ретрологизмами в языковом понимании (как мнимый неологизм, то есть ранее употреблявшееся, а ныне забытое слово, но «воскрешённое магией стиха» (например, рифмово), вообще аутентично реконструированное специалистами, а не приблизительно как в случае с праформами – праформологизмами). В нашей терминологии такой ретрологизм как мнимый неологизм может быть назван квазиретрологизмом. См. также: http://librar.org.ua/sections_load.php?id=3207&s=philology, <http://fanread.ru/book/7603346/?page=21>.

¹⁹ Особенно обратите внимание на сам термин «виртуологизм», который в поисковой системе «Яндекс» отсутствует, однако онтологический статус такого слова, которое перестало быть антисловом в момент его актуализации (из класса потенциалогизмов) – например, при наборе в интернет-поисковике (<http://yandex.ru/yandsearch?lr=11342&text=%D0%B2%D0%B8%D1%80%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B7%D0%BC&csg=160%2C2662%2C14%2C13%2C0%2C0%2C0>).

²⁰ <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&page=Book&id=53791>.

основывается не на физическом совершенствовании вида, а на самом себе»²¹.

На наш взгляд, антиязыковое *сверх* восполняет в языке ту тотализирующую первозданность, которая была доступна человечеству на заре лингвогенеза, но этимологически утрачена в конкретных языках. Если антиязык выставляет языку счёт бессмысленных номинаций, в которых проявляется внутрилингвистическая некомпетентность, то понимание антиязыка в модусе *сверх* открывает перед языком инобытийные горизонты. Но до тех пор, пока антиязык расквартирован в языке, сохраняется искушение постулировать индетерминизм антислов от антиязыка как до лингвогенеза, так и после смерти всех естественных человеческих языков.

И далее: «Есть некоторое соревнование между минимальным ясновидением у животных, которое им дано совершенствованием вида, и неминимальным ясновидением у людей, получающих его за пределами этого совершенствования, трансцендентно, в той области, где оно (совершенствование) не имеет абсолютной власти. Обретя своё ясновидение в ходе физического совершенствования вида трансцендентно, человек пропорционально этой трансцендентности не принадлежит более мировым силам жизни, в отношении которых и наперекор которым он получил определённую, всё возрастающую, хотя и неполную, автономию.

В таком курсе, как наш, хотелось бы держаться в стороне от этих вопросов, относящихся к специфике человеческого мышления. Но так не получается. Несмотря на предпринимаемые усилия уйти от них, наука о языке возвращает нас к ним снова. Она возвращает к ним потому, что является знанием не о физическом мире, в котором человек живёт как часть этого мира, а знанием о ментальном мире, который живёт в нём самом, – о языке, успешное столкновение которого с миром, в котором человек живёт, приводит к относительной автономии человека внутри того мира, в котором он живёт.

Не искажая значения слов, можно говорить о *мире вне меня* (*l'univers du hors-moi*), и о *мире во мне* (*l'univers de l'en-moi*), языке, и об их продолжающемся споре, о нескончаемой драме их *столкновения*. Можно также много говорить о физическом исходе этого спора и о его нефизическом исходе, свидетельство которых несёт в себе история человеческого языка; о *прогрессе* одного плана, кото-

рый достигается физическими результатами, и о *прогрессе* другого плана, который достигается не физическими, а языковыми по сути результатами. Можно долго говорить о разных конечных целях каждого из этих двух видов прогресса и о конфликте, порождаемом их столкновением. Литература, философия, наука, не замечая того, имплицитно обращаются к разным конечным целям этих двух видов прогресса»²².

Вероятно, что именно в языке скрыта тайна антропогенеза, и до тех пор пока тайна лингвогенеза ставится в прямую зависимость от тайны антропогенеза – человек будет по-прежнему отчуждаться в язык²³, растворяя свои по преимуществу антиязыковые истоки в общей теории антиязыка. С другой стороны, внутренний мир человека не насквозь пропитан языковой стихией, учитывая то процентное соотношение между вербальной и невербальной коммуникациями, о котором говорилось выше. Теряя себя в языке, когда бездна между внутренним (план содержания) и внешним (план выражения) всё разрастается, человечество получает шанс перекодировать (пересемиотизировать) себя на новой основе – например, посредством дигитального (цифрового) потока. В конечном счёте, сам индивидуальный человеческий геном (ДНК), состоящий из трёх миллиардов нуклеотидных оснований, подталкивает современных учёных-биологов и философов-трансгуманистов (философов-евгеников) к трансформации (трансцензусу) нашего вида *Homo sapiens sapiens* в нечто иное (трансцендентное)²⁴.

7) Беннет: «Анти-язык может быть скрыт внутри обычного языка. Я описал использование Гурджиевым этого метода. Он возможен и в написанном слове (как это, в конце концов, откроет для себя настойчивый читатель книги Гурджиева «Всё и вся»). Я не ссылаюсь здесь на «скрытые значения»: аллегории и криптограммы – они ра-

²² Там же. С. 147.

²³ Сравните с концепцией лингвистической катастрофы, развиваемой отечественным музыковедом и философом М.А. Аркадьевым (Аркадьев М.А. Лингвистическая катастрофа. СПб., 2013).

²⁴ Сравните с проектом «Nano sapiens» современного российского футуролога В.М. Кишинца, а также с критикой данного подхода в лице нижегородского философа В.А. Кутырёва (Кто сегодня делает философию в России. Т. III / Автор-сост. А.С. Нилюгов. М., 2015. 736 с. С. 46–90). Также см.: Катасонов В.Н. Трансгуманизм: новая цивилизационная угроза человечеству. (<http://www.gosrf.ru/news/16513/>).

²¹ Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. С. 146–147.

ботаю через ум, – но на не-ментальную, невербальную передачу, с помощью которой устанавливается **контакт воле**. Это один из величайших секретов трансформации: можно достигать поразительной степени кооперации (сотрудничества) без видимой коммуникации при подобном контакте воле»²⁵.

7) Всё-таки крен в невербальную коммуникацию для Беннета и есть «анти-язык». И, несмотря на примеры из телепатии, для него «анти-язык» размывается в нерасчленённой духовной субстанции, волевая составляющая которой и обуславливает коммуникацию между людьми, являясь больше метафорой, если не эвфемизмом, языка сознания, чья максимальная прозрачность приводит к тождеству с самим бытием. Заметим, что наша трактовка анти-языка несколько иная: она – в различении (растождествлении) многочисленных пластов (регионов, слоёв, способов, структур) бытия, номинация (именование) которые затруднено или вовсе невозможно посредством человеческого языка.

8) Беннет: «Другой формой невербальной коммуникации является **передача энергии** от одного лица к другому или ко многим. Я указывал на это в связи с посвящением и помощью. Могу клятвенно свидетельствовать о реальности такой коммуникации на основе собственного опыта.

Кто-то может осознать ответы на свои запросы в помощи от кого-то, находящегося в далёкой стране. Этот тип коммуникации не ограничен во времени, как и в пространстве. Можно научиться коммуницировать с источником помощи, созданным в прошлом, и получать от него не только энергию, но даже ответы на конкретные вопросы»²⁶.

8) Мистицизм беннетовских примеров не лишён языкового содержания – всевозможных практик словесного управления вещами. Это одновременно и вопрос о чуде(сах), и вопрос о перформативе (и перформативных парадоксах, из которых, собственно говоря, и состоит философия) – о тождестве бытия и словесного мышления, о таком языке как доме бытия (Хайдеггер), в котором язык – ведущее деятельное начало. Американский лингвист Джон Остин дал следующее определение перформативу: «Констативное высказывание, известное под таким, столь дорогим для философов, именем, как *утверждение*, обладает свойством

быть истинным или ложным. В противоположность ему, перформативное высказывание не может быть ни истинным, ни ложным: у него свои цели, оно используется для осуществления действия. Произнося перформативное высказывание, мы всегда осуществляем некоторый акт, или, что то же самое, выполняем некоторое действие, которое, видимо, едва ли смогли бы выполнить каким-то другим способом, по крайней мере с той же точностью. Вот несколько примеров перформативных высказываний:

I name this ship Liberté 'Я называю этот корабль «Свобода»'.

I apologize 'Я извиняюсь'.

I welcome you 'Приветствую вас'.

I advise you to do it 'Советую вам сделать это'²⁷.

Перформативные высказывания создают иллюзию того, что в отношении них не действует принцип «изначального опоздания», так как план содержания как будто бы совпадает с планом выражения, оба плана – синхронны друг другу. Однако, как сам указал Остин, перформативам присущи три особых типа неудач, «а именно незаконность, неправильное использование (неискренность) и нарушение обязательства»²⁸.

Если предположить, что принцип «изначального опоздания» *компромиссирует* темпоральную несоизмеримость плана содержания и плана выражения, то лживость²⁹ изречённого является настоящей панацеей для человеческой коммуникации (если человеческая коммуникация основана на широком спектре обмана, когда, в частности, приходится утаивать реактивно воязыковлённые мысли, поочерёдно развязывая их перед собеседником, чтобы они по-фрейдистски не оговорились, то потребность в *правдивой* коммуникации, лишённой семиотической корректности, может быть воплощена в ходе антиязыкового эксперимента, сущность которого сводится к **перформативному мышлению**, когда слова не привязаны к дискурсу, а сигнализируют о том, что коммуникация обременена обменом знаками с двойным дном: гипотеза о том, что истинные ментальные содержания на уровне внутренней речи в мень-

²⁵ <http://fourthway.narod.ru/lib/Bennett/transform.htm>.

²⁶ Там же.

²⁷ Философия языка / Ред.-сост. Дж.Р. Сёрл: Пер. с англ. М., 2004. С. 23.

²⁸ Там же. С. 25.

²⁹ Ср.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. С.В. Шачин; под ред. Д.В. Складнева. 2-е изд., стер. СПб., 2006. С. 199–200.

шей мере подвержены принципу «изначального опоздания» по сравнению с лживыми ментальными содержаниями на уровне внешней речи, подводит к признанию невоязыковляемого в качестве того идеала коммуникации, который гораздо ближе бессознательному, чем сверхсознательному, предпочитая последнему нерасчленённый эмоциональный поток, в который нельзя войти даже единожды (Анти-Гераклит), потому что эмоция воязыковляет только сослагательное наклонение, а не освобождает от языка бессознательного.

9) Беннет: «Все эти возможности существуют, поскольку мы, люди, обладаем инструментами восприятия и коммуникации, не зависящими от пяти органов чувств. Эти инструменты остаются латентными и неразвитыми в условиях современного образования, направленного исключительно на подготовку молодёжи для обращения с видимым и осязаемым миром посредством восприятий-чувств. Ещё в 1919 году я убедился, что по крайней мере в Африке эти внутренние инструменты известны и тренируемы. Я узнал об этом от замечательного человека – Трейси Филиппа, который жил в Центральной Африке и стал близким другом вождей поселений, развивших в себе эти способности коммуникации и использовавших их в обиходе. Возможно, для человечества является большой трагедией положение дел, при котором чрезвычайная массовость имитации европейской культуры почти затопила традиционные техники коммуникации. По-моему, неверно считать, что такие техники использовались для «чёрной магии», за исключением редких случаев; поразительные случаи, о которых свидетельствовал Т. Филипп, были целиком благотворными»³⁰.

9) Эта имитация и манипуляция европейской культуры сегодня зашла так далеко, что её уже не спасёт даже проект немецкого мыслителя Юргена Хабермаса о моральном сознании и коммуникативном действии³¹. Прислушаемся к российскому психологу С.Ю. Ключникову: «Триллионы пустых, не обеспеченных чувствами или, тем более, злобных слов колеблют твердь, сливаясь в чудовищный фон, превосходящий гудение гигантского мегаполиса. Один духовный искатель высокого уровня, с которым мне посчастливилось общаться, сказал,

что когда он иногда в медиативном состоянии вслушивается в тонкое пространство планеты, его сознание отравляется звуками человеческих слов и мыслей, которые галдят, словно крикливые птицы. Это тонкое галдение, пусть и в ослабленном виде, продолжается и тогда, когда люди закрывают рот, но продолжают вести мысленный диалог со своим оппонентом. Люди разучились молчать по-настоящему, входить в глубины собственного духа, чтобы извлечь оттуда слова, исполненные внутренней правды. Отсюда ощущение лжи, даже, когда человек сообщает вроде бы правильную информацию. Люди лгут, потому что отсечены от своей подлинной природы, которая проявляется прежде всего в молчании»³².

Однако мечта об идеальной коммуникации предполагает такое следование аутентичности, при котором подозрение в невербализируемости – например, эмоционального, снимается в необратимой вербализации, обнажающей реальную ложь перед идеальной ложью. Если коммуникация прерывается выяснением отношений между двумя лживостями, каждая из которых претендует на саморазоблачение, то для её возобновления необходимо отказаться от такого понимания лжи, при котором коммуникативность предстаёт не чем иным, как препирательством между меньшей ложью и большей ложью, а в перспективе – судом над преступной халатностью истины. Если принцип «изначального опоздания» является сопутствующим фактором лживости любой коммуникации, несмотря на возможную антиязыковую компенсацию с обеих сторон, то следует признать, что предумышленный характер и непредумышленный характер могут в равной степени зависеть от действия данного принципа, превращая коммуникацию в беспомощный обмен языковыми играми, лишённых как правил, так и исключений. Если коммуникация, в основе которой всегда лежит ложь, а не эмоциональная искренность во что бы то ни стало, может быть перекодирована в *лжекоммуникацию*³³, условленной на конкурен-

³² Ключников С.Ю. В поисках безмолвия. М., 2008. С. 18.

³³ Ср.: В.П. Руднев: «Здесь мы подходим к проблеме истины и безумия. Как показал Отто Ранк в своей поздней книге, обыкновенный человек пребывает в иллюзии, а невротик – в истине [Ранк 2004]. В гурджиевской системе всячески подчёркивается, что обыкновенный человек не может говорить правду; даже когда он думает, что говорит правду, он всё равно всё время лжёт другим и самому себе. Чарльз Тарт (будучи в определённой мере последователем Гурджи-

³⁰ <http://fourthway.narod.ru/lib/Bennett/transform.htm>.

³¹ См.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. С.В. Шачин; под ред. Д.В. Складнева. 2-е изд., стер. СПб., 2006. 380 с. С. 276.

ции лжи, то потребность в идеальной коммуникации не отпадёт до тех пор, пока существует неразделённая любовь, не допускающая благой лжи с самим собой.

10) Беннет: «Человечество будет ещё сожалеть о сегодняшнем акценте на вербальной коммуникации, и будет вынуждено снова находить утерянные техники. К счастью, многое сохранилось, и будет появляться в наличии по мере очевидной необходимости»³⁴.

10) В заключительном отрывке Беннет отражает общую тенденцию, наметившуюся в изучении невербальной коммуникации и целого комплекса восточных медитативных практик в XX в. Также стоит отметить возросший интерес к исследованию алхимической (герметической) философии и её лингвистическому приложению.

ева) считает, что ложь принадлежит к механизмам защиты наряду с вытеснением, рационализацией, проекцией и т. д. и что, более того, может быть, ложь – это главный механизм защиты [Тарт 2002].

Принципиальное различие и даже противоположность между гурджиевской Системой и любым психотерапевтическим методом заключается в том, что психотерапия учит человека лгать, в то время как Система учит его говорить правду. Что это значит? Цель любой психотерапии сделать человека адаптивным к социальным условиям, сделать невротика обыкновенным человеком. Это и значит научить его лгать. Ложь может быть понята как необходимое условие социальной адаптации: живя в обществе, невозможно не лгать. Может быть, невротик и психотик больше всего страдают от того, что они не могут лгать как нормальные люди. Известно, что шизофреники, как правило, искренни и честны, что не означает, что они не способны на маленькие хитрости, направленные на то, чтобы, например, обмануть врача (об этом много писал Рональд Лэйнг в книге «Расколотое Я» [Лэйнг 1995]). Возьмём, например, пресловутую первосцену в психоанализе, когда маленький ребёнок наблюдает за коитусом родителей. Известно, что многие пациенты придумывали свою первосцену, чтобы угодить психоаналитику, хотя им казалось, что они действительно вспомнили свой младенческий опыт. Но и сам Фрейд писал о том, что первосцена формируется ретроактивно, задним числом (nachträglich) (более радикально – лакановских позиций об этом писал также Славой Жижек [Жижек 1999]). Производя ложь, вступая в лживый разговор с терапевтом, пациент ведёт себя как здоровый человек. Другой пример – отрицание (Verneinung) в трактовке Фрейда. Когда пациент говорит, что ему приснилась во сне женщина, и это точно была не его мать, то ясно, говорит Фрейд, что это точно была его мать [Freud 1989]. (Гурджиев любил говорить, что человек, говоря правду, лжёт, и наоборот, говоря ложь, высказывает правду.)» (Руднев В.П. Гурджиев и современная психология. М., 2010. С. 43-44).

³⁴ <http://fourthway.narod.ru/lib/Bennett/transform.htm>.

В качестве итога освещения проблемы бессловесной коммуникации, изложенной Беннетом, отметим то, что философия антиязыка, заявленная нами в качестве новой философской методологии, призвана высвободить человека из-под бремени языка как гаранта его онтологических и гносеологических потребностей. Её будущее лежит как в сфере развития телепатических технологий, которые, кстати, уже апробируются во многих инженерно-технических решениях³⁵ (например, для компенсации когнитивных способностей у инвалидов (слуховой аппарат Audeo³⁶), очки дополнен-

³⁵ Ср. также (по материалам исследовательского центра НАСА им. Эймса): «НАСА работает над чтением мыслей. Учёными НАСА разработана специальная компьютерная программа, способная распознавать слова, не высказанные вслух – это может быть шёпот или беззвучная речь, даже без шевеления губами. Программа анализирует нервные сигналы, посылаемые мозгом языку, горлу и голосовым связкам. Для считывания этих сигналов под подбородком и по обеим сторонам адамова яблока прикрепляются специальные датчики размером с пуговицу.

По словам Чака Йоргенсена (Chuck Jorgensen, на фото) из калифорнийского Исследовательского центра НАСА имени Эймса, возглавляющего группу разработчиков, предметом анализа является беззвучная речь, или шёпот, когда человек читает что-то про себя или говорит сам с собой. Как отметил г-н Йоргенсон, при этом всё равно возникают биологические сигналы, вне зависимости от того, шевелятся ли губы человека или его лицевые мышцы.

Подобные датчики уже использовались для простого поиска в Сети, и однажды, надеются учёные, подобными системами будут оснащены скафандры космонавтов, которые смогут таким образом отдавать беззвучные команды аппаратуре или роботам; они помогут людям понимать друг друга в шумных местах, таких, к примеру, как аэропорты, и позволят общаться немым или потерявшим голос. Кроме того, эта технология будет полезной и для традиционных методик распознавания речи.

На первом этапе тестирования программы учёные научили её воспринимать 6 слов – «идти», «остановиться», «налево», «направо», «альфа» и «омега» – и 10 цифр. Участники эксперимента, подключённые к датчикам, беззвучно произносили эти слова, и программа распознавала их с точностью до 92 %. Далее исследователи построили из букв алфавита матрицу, пронумеровав её строки и столбцы числами от 0 до 9. Таким образом, каждая буква – элемент матрицы – обозначается в ней уникальной парой координат. С помощью такой матрицы исследователи беззвучно задали поиск слова «НАСА» на одном из известных поисковых серверов. Таким образом, им удалось осуществить поиск по Сети без помощи клавиатуры.

Теперь учёные испытывают новые, «бесконтактные» датчики, которые смогут считывать мышечные сигналы даже через одежду» (<http://www.cnews.ru/news/top/index.shtml?2004/03/19/156631>).

³⁶ <http://www.utro.ru/articles/2008/03/14/723632.shtml>.

ной реальности Google Glass³⁷ и многое другое), так и в области экстерниоризации внутреннего мира человека.

Философия антиязыка готова эмансипировать человеческое сознание от бессознательных структур, открыв перспективу соборного сознания. Первая ступень в этом общем деле – создание прибора для чтения мыслей, минуя прецеденты детектора лжи (полиграф) и детектора правды (полиграф) путём сканирования работы речевых органов внутренней речи (внутреннего артикулирования – говорения про себя), электромиографические исследования (исследования работы голосовых связок во

время трудных мыслительных операций), составление тезауруса моделей произнесения слов во внутренней речи, решение проблемы *принципа традиционной относительности* – переводы мыслей в слова (вербализация – воязыквление). Вторая ступень – создание прибора, сканирующего работу языка мысли (по Гюставу Гийому и Джерри Фодору) или языка языка. Третья ступень – нахождение нейрофизиологических коррелятов субъективной реальности (кодирование и декодирование, кодовые структуры вербализации и кодовые структуры мышления, замыкание нейрофизиологических кодовых структур на себя, по Давиду Дубровскому³⁸).

Список литературы:

1. Аркадьев М.А. Лингвистическая катастрофа. СПб., 2013. 504 с.
2. Беннет Дж.Г. Беседы о «Рассказах Вельзевула». М., 2001. 118 с.
3. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. 224 с.
4. Катасонов В.Н. Трансгуманизм: новая цивилизационная угроза человечеству. (<http://www.gosrf.ru/news/16513/>).
5. Киященко Н.И. Муки духовной коммуникации // Психология и психотехника. 2014. № 3. С. 282-294. (DOI: 10.7256/2070-8955.2014.3.11447).
6. Ключников С.Ю. В поисках безмолвия. М., 2008. 456 с.
7. Кто сегодня делает философию в России. Том III / Автор-сост. А.С. Нилогов. М., 2015. 736 с.
8. Кутырев В.А. О лингвистической контрреволюции, ее причине и постчеловеческих перспективах (размышления над книгой А. Нилогова «Философия антиязыка». СПб.: Алетейя, 2013) // NB: Филологические исследования. 2013. № 3. С. 1-27. (DOI: 10.7256/2306-1596.2013.3.10077. URL: http://www.e-notabene.ru/fil/article_10077.html).
9. Кутырев В.А., Нилогов А.С. Pro et contra инновационизма: за сохранение антропоморфной реализации возможных миров // Философия и культура. 2014. № 2. С. 180-189. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.2.10515).
10. Кутырев В.А., Нилогов А.С. Об экспансии высоких (постчеловеческих) технологий, её перспективе, их творцах и жертвах // NB: Философские исследования. 2014. № 1. С. 164-202. (DOI: 10.7256/2306-0174.2014.1.10676. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_10676.html).
11. Немов Р.С. Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 3-х кн. Кн. 1: Общие основы психологии. 4-е изд. М., 2003. 688 с.
12. Нилогов А.С. Антиязыковая номинация больших чисел (В начале было Число, и Число было у Бога, и Число было Бог) // Филология: научные исследования. 2013. № 3. С. 266-274. (DOI: 10.7256/2305-6177.2013.3.9645).
13. Нилогов А.С. Философия антиязыка. СПб., 2013. 216 с.
14. Нилогов А.С. Экскурс в лингвистическую футурохронию // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5-и тт. Т. 4. М., 2005. 776 с.
15. Руднев В.П. Гурджиев и современная психология. М., 2010. 160 с.
16. Современная западная философия: Словарь. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. и отв. ред.: В.С. Малахов, В.П. Филатов. М., 2000. 544 с.
17. Философия языка / Ред.-сост. Дж.Р. Сёрл. Пер. с англ. М., 2004. 208 с.
18. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. С.В. Шачин; под ред. Д.В. Складнева. 2-е изд., стер. СПб., 2006. 380 с.
19. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков, 2003. 512 с.
20. Хренов Н.А. Пределы эскалации коммуникативных технологий: ностальгия по площади. Продолжение // Культура и искусство. 2014. № 2. С. 123-137. (DOI: 10.7256/2222-1956.2014.2.11989).
21. Halliday M.A.K. Anti-Languages // American Anthropologist. 78 (3). 1975. P. 570–584.

References (transliteration):

1. Arkad'ev M.A. Lingvisticheskaya katastrofa. SPb., 2013. 504 s.
2. Bennet Dzh.G. Besedy o «Rasskazakh Vel'zevula». M., 2001. 118 s.

³⁷ <http://www.google.com/glass/start/>.

³⁸ См.: Стратегическое общественное движение «Россия 2045». (<http://www.2045.ru/>).

3. Giiom G. Printsipy teoreticheskoi lingvistiki. M., 1992. 224 s.
4. Katasonov V.N. Transgumanizm: novaya tsivilizatsionnaya ugroza chelovechestvu. (<http://www.gosrf.ru/news/16513/>).
5. Kiyashchenko N.I. Muki dukhovnoi kommunikatsii // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2014. № 3. S. 282-294. (DOI: 10.7256/2070-8955.2014.3.11447).
6. Klyuchnikov S.Yu. V poiskakh bezmolviya. M., 2008. 456 s.
7. Kto segodnya delaet filosofiyu v Rossii. Tom III / Avtor-sost. A.S. Nilogov. M., 2015. 736 s.
8. Kutyrev V.A. O lingvisticheskoi kontrrevolyutsii, ee prichine i postchelovecheskikh perspektivakh (razmyshleniya nad knigoi A. Nilogova «Filosofiya antiyazyka». SPb.: Aleteiya, 2013) // NB: Filologicheskie issledovaniya. 2013. № 3. S. 1-27. (DOI: 10.7256/2306-1596.2013.3.10077. URL: http://www.e-notabene.ru/fil/article_10077.html).
9. Kutyrev V.A., Nilogov A.S. Pro et contra innovatsionizma: za sokhranenie antropomorfnoi realizatsii vozmozhnykh mirov // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 2. S. 180-189. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.2.10515).
10. Kutyrev V.A., Nilogov A.S. Ob ekspansii vysokikh (postchelovecheskikh) tekhnologii, ee perspektive, ikh tvortsakh i zhertvakh // NB: Filosofskie issledovaniya. 2014. № 1. S. 164-202. (DOI: 10.7256/2306-0174.2014.1.10676. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_10676.html).
11. Nemov R.S. Psikhologiya: Ucheb. dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenii: V 3-kh kn. Kn. 1: Obshchie osnovy psikhologii. 4-e izd. M., 2003. 688 s.
12. Nilogov A.S. Antiyazykovaya nominatsiya bol'shikh chisel (V nachale bylo Chislo, i Chislo bylo u Boga, i Chislo bylo Bog) // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2013. № 3. S. 266-274. (DOI: 10.7256/2305-6177.2013.3.9645).
13. Nilogov A.S. Filosofiya antiyazyka. SPb., 2013. 216 s.
14. Nilogov A.S. Ekskurs v lingvisticheskuyu futurokhroniyu // Filosofiya i budushchee tsivilizatsii: Tezisy dokladov i vystuplenii IV Rossiiskogo filosofskogo kongressa (Moskva, 24–28 maya 2005 g.): V 5-i tt. T. 4. M., 2005. 776 s.
15. Rudnev V.P. Gurdzhiev i sovremennaya psikhologiya. M., 2010. 160 s.
16. Sovremennaya zapadnaya filosofiya: Slovar'. 2-e izd., pererab. i dop. / Sost. i otvet. red.: V.S. Malakhov, V.P. Filatov. M., 2000. 544 s.
17. Filosofiya yazyka / Red.-sost. Dzh.R. Serl. Per. s angl. M., 2004. 208 s.
18. Khabermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie / Per. s nem. S.V. Shachin; pod red. D.V. Sklyadneva. 2-e izd., ster. SPb., 2006. 380 s.
19. Khaidegger M. Bytie i vremya / Per. s nem. V.V. Bibikhina. Khar'kov, 2003. 512 s.
20. Khrenov N.A. Predely eskalatsii kommunikativnykh tekhnologii: nostalg'iya po ploshchadi. Prodolzhenie // Kul'tura i iskusstvo. 2014. № 2. S. 123-137. (DOI: 10.7256/2222-1956.2014.2.11989).
21. Halliday M.A.K. Anti-Languages // American Anthropologist. 78 (3). 1975. P. 570–584.